

Библейско-богословская коллекция
Историческая серия

Певницкий В.

**СОСТОЯНИЕ
ПРОСВЕЩЕНИЯ
И НАПРАВЛЕНИЕ
УМСТВЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В V И VI ВЕКАХ (430-604 гг.)**

Труды Киевской духовной академии, 1864,
№ 3, с. 291-326

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

Изъ чтеній по исторіи христіанской литературы.

*Состояніе просвѣщенія и направленіе умственной дѣятельности
въ V и VI вѣкъ (430—604).*

I. Предъ нами духовно-литературная жизнь двухъ вѣковъ, смѣнившихъ собою четвертый золотой вѣкъ духовнаго просвѣщенія. Въ историкѣ, слѣдящемъ развитіе жизни въ преемственномъ рядѣ эпохъ и поколѣній, такая смѣна явленій, каковую открываютъ интересующія насъ времена, способна возбудить горькое чувство отъ представленія тяжелой судьбы, подчиняющей себѣ законы нашего человѣческаго существованія. Мы оставили за собою блестящую картину христіанскаго литературнаго развитія: возвышенный полетъ мысли, обильная, почти изумительная производительность проповѣдническаго и авторскаго слова, широкій горизонтъ, какимъ овладѣла христіанская мысль, множество славныхъ и яркихъ именъ на этомъ горизонтѣ, могущихъ составить украшеніе какой угодно литературной эпохи,—все это сдѣлало четвертый христіанскій вѣкъ образцовымъ и знаменитымъ вѣкомъ въ литературномъ отношеніи, и когда мы ищемъ, съ чѣмъ бы сравнить и чѣмъ бы повѣрить какое либо выдающееся литературное явленіе, когда

нуждаемся въ глубокихъ и точныхъ изслѣдованіяхъ или изложеніяхъ предметовъ христіанской вѣры, — мы обращаемся къ отцамъ четвертаго вѣка, и ихъ мудростію повѣряемъ и восполняемъ свои религіозныя сужденія и знанія. Послѣ той блестящей картины, картина, открывающаяся предъ нами, можетъ показаться темною и смутною. Въ ней нѣтъ великихъ и яркихъ геніевъ, подобныхъ Василию Великому, Афанасію Александрійскому, Григорію Богослову, Григорію Нисскому, Іоанну Златоусту и Августину, и мысль потомка, изучающаго исторію по именамъ вліятельныхъ дѣятелей, не имѣетъ здѣсь много твердыхъ, выдающихся точекъ, чтобы на нихъ остановиться и по нимъ изображать эпоху. Отсюда у насъ относительная малоизвѣстность литературы этихъ вѣковъ: напитавшись сладкимъ краснорѣчіемъ Златоуста, глубокою философіею Григорія Нисскаго, сильною діалектикою и свѣтлою мыслию Григорія Богослова и Афанасія Александрійскаго, любитель церковной письменности уже не имѣетъ настоятельныхъ побужденій подробно знакомиться съ явленіями, по сравненію съ предыдущимъ періодомъ, бѣдными и тощими.

II. Вѣка, къ которымъ мы обращаемся, — вѣка склоненія и ослабленія умственнаго и литературнаго генія. Это, повидимому, странное и неожиданное явленіе, особенно если взять во вниманіе вчерашнюю молодость христіанскаго просвѣщенія. Лишь только начала цвѣсти христіанская наука и литература, какъ ее постигаетъ тяжелая рука времени. Кажется, не для того бы должны являться великія творенія и великіе дѣятели христіанской мысли, чтобы закончить собою только-что открывшійся рядъ славныхъ служителей религіознаго слова, и одинъ вѣкъ блестящій не долженъ бы ослабить напряженіе силъ юнаго общества, а напротивъ долженъ бы приготовить новую болѣе твердую почву для свѣтлой и возвышенной дѣятельности мысли.

Но жизнь народовъ и обществъ, какъ жизнь всякихъ организмовъ, имѣетъ свои возрасты, и не можетъ въ поздніе годы своего развитія воротить свѣжесть молодости. Время, самая тяжелая судьба, лежащая надъ конечною жизнію, имѣетъ въ исторіи безусловную, неотвратимую силу. Новыя, свѣжія идеи явились въ греко-римскомъ обществѣ, прошедшемъ длинный періодъ античной цивилизаціи, но самое это общество было уже въ лѣтахъ истощанія, и новыя идеи не въ силахъ были объюнить его. Четвертый вѣкъ былъ замѣчательнымъ повтореніемъ древней эллинской славы. Все, что было лучшаго въ обществѣ, обратилось къ освѣжающему дѣйствию христіанства, и отъ скопленія силъ на сторонѣ новой религіи, эллинское просвѣщеніе вспыхнуло здѣсь яркимъ пламенемъ, напомнившимъ время Софокла и Платона. Но этотъ яркій пламень освѣтилъ кругомъ истощенную и разслабленную среду; на истощенной средѣ отпечатлѣлась немощъ возраста, уже жившаго воспоминаніями, и больше удивлявшагося прежнимъ произведеніемъ философской мысли и поэтическаго творчества, чѣмъ отличавшагося самостоятельною дѣятельностію. Общее направленіе умственныхъ силъ опредѣлялось стремленіемъ въ эклектизму. Это стремленіе рождалось тогда, когда ослабѣваетъ самодѣятельность и въ настоящемъ и будущемъ мысль не предвидитъ для себя ничего питательнаго. Воспоминаніемъ ея ослабѣвшихъ творческихъ рѣшеній является запасъ мудрости изъ прошедшихъ вѣковъ, и къ нему она прибѣгаетъ, какъ къ полному рѣшителю своихъ думъ и питателю своихъ желаній. Старыя пѣсни, ею тщательно собираемыя и повторяемыя, убаюкиваютъ ее, и она спитъ подѣ говоръ ихъ, не вызывая на трудовое творческое дѣло новыхъ силъ и элементовъ. Какое-то трагическое впечатлѣніе ощущается въ то время, когда вы слѣдите за ходомъ дѣятельности классическаго греко-римскаго ума въ періодъ его отцвѣтанія. Какъ будто много усилій, и время

течетъ среди труда и заботъ, но изъ этого труда не выходитъ новаго созданія, онъ простое пережевываніе стараго, и бесплодность его усилій свидѣтельствуегъ о томъ, что пробилъ часъ того, кто прежде ратовалъ на открытомъ поприщѣ жизни и цивилизаціи, и въ его внутренней глубинѣ началось нравственное разложеніе. Эклектизмомъ или несамодѣтельнымъ воспоминаніемъ прошлаго отличаются или лучше страдаютъ всѣ отрасли жизнедѣятельности. Въ наукѣ и литературѣ самыя творческія силы—философская мысль и поэтическая фантазія. Философская мысль какъ будто высоко заносилась въ области созерцанія, и се занимали самыя высprenніе вопросы. Но при всемъ томъ она не умѣла дать себѣ своего имени и слѣдовать самородному направленію. Ей нуженъ былъ авторитетъ Платона, чтобы на немъ опереться въ своихъ воззрѣніяхъ, и она считала себя счастливою, что оживила и пустила въ ходъ (въ измѣненномъ видѣ) философеми своего учителя. Риторство въ школахъ рачительно изучалось: учителя краснорѣчія были въ славѣ и силѣ; практикуя своихъ питомцевъ въ ораторскомъ искусствѣ, они вымышляли разные затруднительные случаи, и изъ нихъ извлекали темы для защитительныхъ и обвинительныхъ рѣчей. Краснорѣчіе въ школахъ гремѣло, но въ жизни, за предѣлами ученическихъ упражненій, ему не было простора. Въ Ливаніѣ мы видимъ замѣчательный талантъ ораторскій, но онъ представляетъ изъ себя чахлое явленіе, оторванное отъ жизни и заключенное въ тепличной атмосферѣ школы. Онъ самъ упражняется и упражняетъ другихъ надъ тѣмъ, что когда-то волновало жизнь и сердца, а теперь осталось однимъ воспоминаніемъ. Если ему случается выступать съ своимъ словомъ на живую общественную арену, для защиты упадающаго языка или для отвращенія гнѣва царскаго,—его голосъ является малосодержательнымъ, искусственнымъ, отвлеченнымъ, и если обнаруживаетъ иногда энергію и одушевленіе, онъ ка-

жеться трагическимъ плачемъ по утраченнымъ идеаламъ и хотеть поддержать насильственнымъ напряженіемъ то, что рушится само собою. Осталась одна форма древняго общественнаго ораторства, но его жизненная сила обратилась въ предметъ воспоминанія, и только изрѣдка всыхивала на еле-дышущемъ организмѣ, подобно пламени догорающей свѣчи. Поэзія не представляетъ имени, равносильнаго даже имени Ливанія. Въмѣсто свободнаго творчества здѣсь вялое пережевываніе стараго матеріала, мертвое изученіе буквы и техники поэтической; даже сатира, обыкновенно сильная въ періоды общественнаго расслабленія, раздавалась какъ-то глухо и невнятно; въ ней не было той рьяности, той рѣзкой задирательности, по которой бы мы убѣждались въ живучести органическихъ силъ, ее произведшихъ.

При замѣтномъ разложеніи общественнаго организма, великіе дѣятели христіанской мысли являются порожденіемъ не столько греческаго генія, сколько Духа Божія, увлекшаго на сторону возвышеннаго христіанства лучшія силы народа и давшая имъ высшее одушевленіе. Одушевленіе избранныхъ бесцельно было увлечь за собою погруженную въ чувственность и расслабленную массу, и, при этой противоположности просвѣщеннаго христіанскаго кружка съ общимъ настроеніемъ, является предъ нами тѣмъ выше и знаменательнѣе. Оно явилось слишкомъ идеальнымъ для своей среды, чтобы пустить глубокіе корни въ той почвѣ, которая предъ ихъ глазами являлась такою сухою и истощенною. Отсюда такое напряженное уклоненіе у писателей цвѣтущаго христіанскаго вѣка отъ всего, что носило въ себѣ прямое и непосредственное выраженіе тогдашней греческой современности или общественности.

III. Въмѣстѣ съ внутреннимъ разстройствомъ общественнаго организма, произведшимъ упадокъ просвѣщенія, соединились внѣшнія политическія колебанія и потрясенія и грозныя

нашествія варваровъ, не дававшія спокойствія, нужнаго для воздѣлыванія науки и литературы. Имперія греско-римская, главное поприще тогдашней міроисторической дѣятельности, была громадна по своему внѣшнему протяженію, и въ ней много было богатствъ, накопленныхъ вѣками и доставшихся въ наслѣдіе отъ трудолюбивыхъ предковъ изнѣженному поколѣнію. Но въ этой огромной и богатой имперіи отправленія гражданской жизни потеряли нормальный ходъ и бодрое развитіе. Если исторія хочетъ указать движеніе времени, какъ признакъ жизни, то представляетъ намъ интриги двора и споры изъ-за власти полководцевъ и императоровъ. На верху политическаго организма всѣмъ заправляютъ люди военной силы, и деспотизмъ, опирающійся на оружіе, придавилъ волненія народа, общества и мелкихъ вельможъ. Когда-то жизнь гражданская развивалась въ Греціи и Римѣ на площадяхъ, при участіи въ интересахъ общества всѣхъ членовъ государства. Теперь народъ забылъ, что такое гражданская свобода, и былъ мертвенно равнодушенъ къ утратѣ своей самостоятельности. Онъ былъ игрушкою прихотливаго деспотизма, и только изрѣдка судорожными движеніями, въ случаѣ какого либо чувствительнаго оскорбленія, давалъ чувствовать утраченную имъ прежнюю силу и волю. Междоусобныя войны очень часто потрясали народное благоденствіе, увлекая въ водоворотъ свой много крови, людей и денегъ, и нерѣдко случалось, что какойнибудь вельможа, получивъ обиду и не имѣя силы мстить за нее, призывалъ на земли имперіи сильнаго варвара, суля ему легкую и богатую добычу, какъ Вонифатій, намѣстникъ Африки, призвавшій изъ Испаніи въ Африку короля вандалскаго Гензериха (429 г.).

Но главная военная суматоха происходила не отъ междоусобныхъ распрей. Богатство Рима и Константинополя обольстило варваровъ, и замѣтивъ безсиліе народа, владѣющаго

этимъ богатствомъ, они съ быстротою и алчностью бросились на разграбленіе открывшейся имъ добычи. Вѣкъ V и вѣкъ VI называется въ исторіи вѣками переселенія народовъ.. Какъ будто сильный вѣтеръ поднялъ съ мѣста безчисленныя орды, и онѣ начали тѣнить и давить одна другую. На окраинахъ римской имперіи давно поселились племена готовъ и вандаловъ, при своей дикости одаренныя духомъ предприимчивости и храбрости. Въ разныя времена они все болѣе и болѣе пропигали въ глубь имперіи и не разъ угрожали самымъ столицамъ. Ихъ нашествіе не похоже было на наши смягченныя и при всемъ томъ тяжелыя, военныя нападенія. Ихъ путь ознаменовывался опустошеніемъ, пожарами и смертію беззащитныхъ жигелей. Къ этимъ племенамъ, успѣвшимъ найти себѣ пристанище и на берегахъ Дуная, и въ Италиі и въ Испаніи и даже въ Африкѣ, придвинулись изъ Азіи, Богъ вѣсть чѣмъ и какъ вызванныя, страшныя гунны. Они тѣснили все и всѣхъ предъ собою и насильно засгавили самихъ готовъ дальше углубиться во внутреннія страны имперіи. Аттила явился какою-то трагическою судьбою, у которой все находило свою погибель, и предъ его полчищами растерялся самъ священный городъ запада. Постоянно должны были жители имперіи быть на сторожѣ, постоянно отъ нихъ требовалось отражать грозныя и неугомонныя варварскія нападенія. Иногда золото, иногда счастливая битва освобождала ихъ на время отъ опустошенія. Но это имѣло свое дѣйствіе только на извѣстномъ пространствѣ, и приносило только временное успокоеніе. За побѣжденною или отраженною ордою слѣдовала другая, за другою третья: онѣ посылались какъ бы невидимою силою, и чѣмъ больше бьютъ ихъ, тѣмъ больше растутъ онѣ. Какъ будто по мѣической сказкѣ каждый ударъ меча, разсѣкающій богатыря, вмѣсто того, чтобы поразить его, творитъ изъ него двухъ богатырей. Италиа совершенно изнемогла отъ этихъ нашествій, и

въ ней образовалось новое ост-готѣское царство. Въ Испаніи и Африкѣ всѣмъ грозили завладѣть вест-готѣы, вандалы и авары. Восточная имперія колебалась отъ нашествія славянскихъ, пѣмецкихъ и гуннскихъ орды съ одной стороны, а съ другой тревожили ее персы. Изъ всѣхъ правителей имперіи выдается имя Юстиніана. Но и его царствованіе было не миромъ, а счастливою войною: онъ опять соединилъ было распавшуюся имперію, но это соединеніе не принесло никакой пользы. Тотчасъ, послѣ его смерти, тѣже безпокойства въ предѣлахъ возстановленной имперіи, и на западѣ во второй половинѣ VI вѣка явились лонгобарды, которые принесли въ Италію новыя тягости и опустошенія.

Слишкомъ сильно всюду раздается стукъ оружія, слишкомъ часты бранные крики, и человѣкъ, желающій дѣйствовать, повинуется истиннгу самосохраненія и беретъ въ руки не перо, а мечъ. Вездѣ суетливая бѣготня, вездѣ страхъ опасностей или плачь послѣ опустошенія. Для школы, для науки это самое тяжелое время: на нихъ некогда обращать вниманія; мало досуга у людей, чтобы посвятить себя спокойному размышленію. Напряжены мускулы и нервы, и мысли нѣтъ простора для развитія, когда рука принуждена дѣйствовать мечемъ. Тѣ люди, которые въ другое время посвятили бы себя мирнымъ занятіямъ, въ это бурное время отняты у нихъ для отраженія враговъ и защищенія безопасности своихъ жилищъ. Необходимое нужно было дѣлать, и для него жертвовать пріятнымъ и полезнымъ. Потому-то здѣсь мы видимъ начало средне-вѣковаго варварства: свѣтъ научнаго образованія гаснетъ и замираетъ, и начинается тьма, которая тянется чрезъ длинный рядъ вѣковъ, до новаго возстановленія греко-римской учености на свѣжей неистощенной почвѣ. Теперь только начинается броженіе во внутреннихъ глубинахъ исторической жизни: новыя силы нахлынули на открытое поприще міроисторическаго

процесса; все смѣшалось здѣсь въ одну нестройную кучу, что было прежде, и нужно было время, чтобы все это перебродило, устоялось и потомъ вошло въ новый видъ или порядокъ.

IV. Въ эпоху политическаго броженія, полную опасностей, ознаменованную варварскими нашествіями большую услугу могли оказать просвѣщенію *монастыри*, и они дѣйствительно въ настоящее безпокойное время приобрѣли значеніе въ исторіи науки очень важное, за которое всегда любитель просвѣщенія отнесется къ нимъ съ особымъ признательнымъ чувствомъ. Здѣсь въ нихъ, среди всеобщей суматохи, люди теоретическихъ наклонностей находили тишину и спокойствіе, необходимыя для мирныхъ занятій наукою. Здѣсь сходились общество высокихъ личностей, недовольныхъ окружающею дѣйствительностію, и въ своей мысли, въ занятіяхъ священной и частію свѣтскою ученостію находившихъ отраду отъ тяжелыхъ дававшихъ впечатлѣній: при этомъ общеніи обмѣнивались знаніями и сужденіями, и отъ того здѣсь произрастали вопросы высшаго знанія, подъ которыми за оградю монастыря некогда было думать, здѣсь хранилось, развивалось и утверждалось возрѣніе религиозно-богословское, переходившее отъ одного поколѣнія къ другому. Здѣсь скорѣе всего можно было найти книжныя сокровища, которыя въ то время были такъ дороги и рѣдки, и которыя нерѣдко расхищали и уничтожали при безпокойствѣ и тревогахъ того времени. Думая о монастыряхъ, какъ хранителяхъ книжности и расадникахъ просвѣщенія, мы съ удовольствіемъ останавливаемся на Лаврѣ св. Саввы, находящейся не далеко отъ Іерусалима, служившей въ дальнѣйшихъ вѣкахъ центромъ духовнаго свѣта не только для всей Палестины, но и для окрестныхъ восточныхъ странъ. Переносясь на западъ, мы должны отмѣтить монастыри южной Франціи, имѣющіе значеніе въ исторіи просвѣщенія. Въ нихъ жилъ и развивался первоначально духъ греческій, имѣвшій здѣсь при-

токъ для себя потому, что въ Массили или нынѣшней Марсели и другихъ смѣжныхъ мѣстахъ были греческіе колонисты, принесшіе съ собою греческую цивилизацію. Въ монастыри въ частности духъ и учрежденія востока принесъ Іоаннъ Кассіанъ, настоятель монастыря *массилійскаго*. Этотъ монастырь и монастырь *леринскій* привлекали къ себѣ много любознательныхъ умовъ, и изъ нихъ выходили для того времени просвѣщенные и вліятельные епископы, подобные Иларію Арелатскому, Кесарію Арелатскому, Фавсту Російскому, Викентію Леринскому. По дѣйствию просвѣтительнаго начала, выходящаго изъ монастырей, въ мѣстахъ южной Франціи уровень богословской мысли былъ гораздо выше, чѣмъ въ другихъ странахъ запада, и ее занимали вопросы, къ которымъ были равнодушны христіане другихъ странъ, жившіе въ большей простотѣ пониманія.

Свѣтское общество съ большимъ сочувствіемъ смотрѣло на монастыри и искало въ нихъ для себя утѣшенія и ободренія и въ то же время видѣло въ нихъ единственные почти источники христіанскаго духовнаго просвѣщенія. Къ нимъ замѣтный былъ приливъ требованій и стремленій, и кто хотѣлъ помогать современному человѣчеству средствами духовнаго нравственнаго воспитанія, кто владѣлъ для того достаточною силою, тотъ къ монастырямъ прибѣгалъ, какъ главнымъ органамъ или проводникамъ духовнаго просвѣщенія. Два человѣка въ этомъ случаѣ оказывали особенное вліяніе на современный людъ и принадлежать чрезъ то исторіи духовнаго просвѣщенія. Мы говоримъ о *Венедиктѣ*, основателѣ западнаго монашества и *Кассіодорѣ*. Оба они изъ знатнаго рода, и оба отъ испорченной и гниющей среды обращали свои взоры на тихіе пріюты монастырей.

Вліяніе св. Венедикта—вліяніе больше нравственное, чѣмъ научное. Сынъ достаточнаго, если не славнаго аристократа,—

онъ посланъ былъ въ Римъ для образованія. Но порочная жизнь ученыхъ, съ которыми ему пришлось всрѣтиться, распущенный видъ всего города поразили его и заставили его искать убѣжища въ пустынѣ, вдали отъ людей и тревогъ свѣта. Не наше дѣло изображать его аскетическіе подвиги, записанные Григоріемъ Великимъ, удивлявшимся высотѣ его нравственнаго духа. Наше дѣло замѣтить, что въ первой половинѣ VI вѣка онъ установилъ нѣсколько монастырей, между которыми самый знаменитый на горѣ Кассино (Монте-Кассино) въ Кампаніи, и далъ имъ строгій и твердый уставъ, по которому св. Венедиктъ сдѣлался отцомъ западнаго монашества. Онъ искалъ строгаго уединенія; но нравственная сила его притягивала къ себѣ сердца, не находяція надежныхъ опоръ въ гражданской средѣ, и вокругъ него всегда собиралась толпа почитателей и подражателей. Гражданское общество замѣтило освѣжающее вліяніе монастырскаго духа, укрѣпленнаго правилами св. Венедикта, и къ св. Венедикту и его послѣдователямъ знатные римляне посылаютъ дѣтей своихъ на воспитаніе. Тамъ, гдѣ средоточіе жизни, не находятъ средствъ для развитія и укрѣпленія духа,—жители столицы и большихъ городовъ идутъ въ пустыни, чтобы найти себѣ поддержку, утѣшеніе и нравственную бодрость. Все колебалось, все грозило разрушеніемъ,—въ тревожное время идутъ въ монастырскую келью Венедикта, чтобы найти здѣсь то, что независимо отъ всѣхъ земныхъ перемѣнъ и возвышаетъ надъ ними человѣка, чтобы научиться здѣсь тому, какъ сохранить спокойствіе и миръ при земныхъ тревогахъ и смятеніяхъ. Дѣти римскихъ вельможъ начинаютъ увлекаться такимъ родомъ жизни, который даетъ убѣжище трепещущей душѣ и научаетъ свободно сносить и любить тѣ лишенія, къ какимъ и безъ того принуждало многихъ тяжелое время. Но не одни римляне, даже готы приходили къ св. Венедикту за духовнымъ утѣшеніемъ и нравственнымъ

укрѣпленіемъ: ученикамъ и послѣдователямъ св. Венедикта по-тому открывалось широкое поприще. Они не только занимаются сами для себя богослужебными дѣйствіями, чтеніемъ св. Писанія, рукодѣльемъ, воздѣлываніемъ земли, они воспитываютъ юношество, возвѣщаютъ вѣру и разрушаютъ язычество. Подъ ихъ вліяніемъ мысль ихъ учениковъ принимаетъ благочестивый характеръ, воля научается преданности Богу и энтузіазмъ къ монашеской жизни во всей Италіи проявляется такой, какого прежде не видели на западѣ, и этотъ энтузіазмъ скоро распространился за предѣлы Италіи, въ Сицилію, Галлію и другія страны.

Другая личность, имѣвшая вліяніе на состояніе и направленіе духовнаго просвѣщенія вѣка и характеризующая умственную дѣятельность времени, — *Кассіодоръ*, жившій въ VI столѣтіи. Это былъ вельможа, занимавшій разныя высшія государственныя должности при ост-готескихъ короляхъ и превосходившій почти всѣхъ своихъ современниковъ знаніями и образованіемъ. Дѣло просвѣщенія было близко ему, и онъ употреблялъ находившіяся въ его рукахъ средства къ возвышенію его и распространенію между своими современниками. У него подъ покровительствомъ былъ монастырь, находившійся на его родинѣ въ нижней Италіи; туда онъ удалялся отъ интригъ двора и отъ государственныхъ заботъ, въ половинѣ VI столѣтія; тамъ онъ возбуждалъ монаховъ къ ученымъ занятіямъ, доказывалъ имъ изъ примѣра св. отцовъ, что имъ можно и полезно для уразумѣнія св. Писанія знакомиться съ языческими писателями. Чтобы придать силу этимъ совѣтамъ и возбужденіямъ, онъ собираетъ бібліотеку для своихъ монаховъ, книги выписываетъ изъ Африки и другихъ странъ, самъ перевозитъ съ греческаго полезныя для монаховъ сочиненія. Между собранными имъ сочиненіями были книги не только религіознаго содержанія, но и медицинскаго, сельско-хозяйственнаго и

т. под. Дѣло требовало продолженія и поддержанія трудомъ и усиленемъ, при отсутствіи книгопечатанія, и вотъ на монаховъ онъ налагаетъ обязанность списыванія книгъ, и можетъ быть, Кассіодоръ первый возводилъ на монастыри это дѣло, обратившееся впослѣдствіи въ ихъ долгъ и сохранившее для потомства много драгоценныхъ произведеній древней мысли не только христіанской, но и языческой. Сатана (писалъ онъ) столько получаетъ ранъ, сколько словъ Господнихъ писецъ запишетъ (въ книгѣ)* 1). Забота Кассіодора простиралась и на внѣшности, на мелочь; онъ руководствовалъ монаховъ во всемъ, указывалъ имъ правила правописанія, и на 93 году своей жизни составилъ для нихъ книгу о правописаніи, представляющую извлеченіе изъ двѣнадцати римскихъ писателей. Самъ чертилъ изображенія, которыми, сообразно обычаю того времени, украшали книги, завелъ хорошихъ переплетчиковъ въ монастырѣ, изобрѣлъ постоянно горящую ночную лампу для занимающихся книжнымъ дѣломъ, свѣрялъ и исправлялъ рукописи и т. под. Независимо отъ введенія книжныхъ занятій въ монастырь, Кассіодоръ думалъ объ устроеніи нарочитой школы для воспитанія религіозныхъ учителей и возбуждалъ къ этому римскаго епископа Агапета; но опустошительная война воспрепятствовала исполненію этого замысла, и онъ долженъ былъ на монастырѣ сосредоточить свои надежды и ожиданія.

V. Кромѣ монастырей, пріютомъ тихаго изученія св. Писанія и полезной челоѣческой мудрости были еще школы, о которыхъ гремѣла слава изъ прежнихъ вѣковъ. Но болѣе славныя изъ этихъ школъ, утвержденныхъ давностію, принадлежали язычникамъ. Аѳины и Александрія соперничали между собою блескомъ образованія и славою учителей. Но знаменитые учителя въ обоихъ этихъ городахъ посвящали себя неоплато-

1) De institutione divinarum litterarum c. 30 p. 525.

нической философіи, доколѣ не постигъ ихъ грозный указъ императора Юстиніана. Во многихъ городахъ учили краснорѣчію, были школы для врачебной науки, для изученія правъ и дѣловодства, но для нихъ время было неблагопріятно, когда въ самомъ Римѣ, во время правленія готѣевъ, въ школѣ юридической всего былъ одинъ учитель.

Учителямъ впрочемъ было выдаваемо жалованье изъ императорской казны. Объ этомъ было нарочитое распоряженіе при Юстиніанѣ, встрѣченное многими не очень дружелюбно. На западѣ съ VI столѣтія школы постепенно исчезаютъ, послѣ водворенія тамъ иностраннаго владычества. Дочь Дитриха Ама-лазунта тоже велѣла выдавать жалованье безъ уменьшенія публичнымъ учителямъ грамматики, краснорѣчія и юриспруденціи; но это мало помогло дѣлу, когда время принесло на Италію имперскія войска при Юстиніанѣ, и война разорила лучшіе города Итали,— Римъ, Неаполь, Миланъ, и когда скоро затѣмъ нахлынули на Италію грозные лангобарды.

Надежда такимъ образомъ осталась на монастырскія и епископскія школы. Но и здѣсь нельзя представлять дѣло слишкомъ великолѣпно. Просвѣтительное вліяніе въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя мы указываемъ, можно сказать, только начиналось и потому не успѣло пріобрѣсти себѣ широкаго развитія и твердаго положенія. Школы епископскія и монастырскія были школами нужды, а не прихоти или избытка: все было больше въ заботахъ и замыслахъ, чѣмъ въ совершеніи и плодахъ. Потому, если мы здѣсь должны отмѣтить просвѣтительное вліяніе епископскихъ и монастырскихъ школъ, преѣде всего должны отдать дань уваженія тѣмъ усиліямъ, которыя изъ нихъ хотѣли сдѣлать религіозно-образовательныя силы. Мысль Августина и Евсевія Вергельскаго, старавшаяся о томъ, чтобы составляющіе клиръ и готовящіеся къ духовнымъ должностямъ, жили вмѣстѣ и другъ отъ друга заимствовали знанія и опытность, способ-

ствовала устройенію епископскихъ школъ и положила первое начало тѣмъ конгрегаціямъ канониковъ, которыя въ средніе вѣка имѣли такое важное значеніе среди другихъ просвѣтительныхъ учрежденій. Въ VI столѣтіи цѣлый соборъ везонскій (concilium Vasense 529 г.) думаетъ о примѣненіи этой мысли въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и въ своемъ опредѣленіи опирается на практику жизни, пустившую корни во всей Итали. Онъ требуетъ, чтобы всѣ приходскіе священники, по прекрасному обычаю, соблюдаемому во всей Итали, принимали въ свой домъ молодыхъ неженатыхъ чтецовъ, учили ихъ псалмамъ, заставляли читать св. Писаніе, и наставляли въ законѣ Господнемъ». Съ IX столѣтія въ исторіи школъ стали возвышать имя Григорія Великаго, какъ главнаго покровителя школъ, и въ честь его учредили навсегда особый школьный праздникъ; въ этотъ праздникъ даже у протестантовъ въ разныхъ странахъ встрѣчаются особыя торжественныя процессіи и лигованія учениковъ.

Но все это зачатки, гдѣ нельзя ожидать богословской и свѣтской учености. Въ епископскихъ школахъ учили больше богослужебной практикѣ, правильному совершенію обрядовъ, чѣмъ научному познанію религіи. Не столько знаніе христіанства, сколько умѣнье выполнять прежде всего внѣшнія обязанности священства, было главною цѣлію школьныхъ упражненій. Это видно между прочимъ изъ тѣхъ заботъ, какими заняты и какія налагаетъ на священниковъ упомянутый нами соборъ везонскій. Школа Григорія Двоеслова, давшая ему великое значеніе въ послѣдующей исторіи просвѣщенія, намъ должна представляться школою образцовою. А между тѣмъ эта школа, находившаяся подъ непосредственнымъ управленіемъ Григорія Великаго, была не столько школою науки и учености, сколько школою цѣннѣя, приготавливавшего приличныхъ исполнителей церковно-религіозной обрядности. Слава главнаго покров-

вителя наукъ или школъ заслужена св. Григоріемъ не столько учеными успѣхами его школы, сколько его теплою и непосредственною заботливостію, съ какою онъ относился къ своему дѣтищу: своей школѣ молодыхъ пѣвцовъ онъ подарилъ въ Римѣ два дома, давалъ ей часть изъ своихъ доходовъ, и управлялъ ею какъ хозяинъ и отецъ. Въ IX вѣкѣ указывали постель, на которой онъ лежалъ, заправляя пѣніемъ учениковъ, показывали розгу, которою онъ угрожалъ нерадивымъ мальчикамъ, и хранили его антифонаріумъ или собраніе попеременнохъ пѣсней.

Собственно для богословской науки, для систематическаго и возможно полнаго ея изученія не было въ періодъ нами разсматриваемый правильныхъ и регулярныхъ школъ. Кассіодоръ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей духовнаго образованія въ нашемъ періодѣ, жалуется (въ книгѣ *de institutione divinarum litterarum*), что нѣтъ публичныхъ учителей для изясненія Библии, и что въ то время, когда свѣтскихъ авторовъ многіе толкуютъ въ школахъ, св. Писаніе оставлено на произволъ случая и на добрую волю почитателей и читателей его. Онъ, какъ и другіе современные ему ревнители христіанскаго просвѣщенія, въ знакомствѣ съ Библіею, этимъ источникомъ истинной мудрости и философіи, полагали главную цѣль научнаго воспитанія; потому всѣ рекомендовали усердное чтеніе библейскихъ книгъ, и старались руководить молодыхъ людей къ правильному и болѣе полному уразумѣнію ихъ. Кассіодорова книга *de institutione divinarum litterarum* есть именно родъ научнаго руководства къ чтенію и разумѣнію св. Писанія: здѣсь онъ хочетъ собрать мнѣнія отцовъ—лучшихъ толкователей Писанія, относящіяся къ разнымъ мѣстамъ писанія и вопросамъ библиологическимъ. Больше всего сосредоточиваетъ вниманіе Кассіодоръ на псалмахъ, пророческихъ книгахъ и посланіяхъ апостольскихъ, частію потому, что онѣ труднѣе другихъ книгъ для пониманія, а еще больше и главнымъ образомъ потому,

что въ нихъ онъ полагалъ основаніе и неистощимое богатство глубочайшей премудрости. Библейскія книги впрочемъ проходятся у него всё; на каждой онъ останавливается особенно, при каждой кратко указываетъ и описываетъ лучшихъ толкователей ея, и дѣлаетъ переводы съ греческаго языка на латинскій. Для первыхъ восьми книгъ Библии онъ рекомендуетъ толкованія св. Василія Великаго, св. Амвросія, блаж. Августина и Проспера, но предостерегаетъ отъ еретическихъ мѣств Оригена, находящихся въ его бесѣдахъ на эти книги. На *книги царствъ* онъ не могъ найти связнаго и полнаго толкованія; потому самъ составилъ его изъ отдѣльныхъ проповѣдей и изслѣдованій Оригена, Августина и другихъ. Такимъ образомъ дѣло поведено по отношенію ко всей Библии. Но Кассіодоръ рекомендуетъ и описываетъ не однихъ толкователей Библии; онъ упоминаетъ о лучшихъ историкахъ, чтеніе которыхъ можетъ быть полезно для пониманія Библии; между этими историками на первомъ планѣ у него стоятъ Іосифъ Флавій для іудейской исторіи, и Евсевій съ его продолжателями для христіанской. Кромѣ исторіи, для цѣлей, имъ предположенныхъ, онъ совѣтуетъ читать географовъ, заниматься свободными искусствами и математическими знаніями.

Свободныя науки и искусства изучали въ епископскихъ и монастырскихъ школахъ не столько для нихъ самихъ, для цѣлей общаго образованія, сколько по ожидаемой отъ нихъ пользѣ для толкованія Писанія, хотя въ иныхъ случаяхъ эта польза казалась очень отдаленною и мечтательною. Программа наукъ, считавшихся необходимыми для школы, заключала въ себѣ основаніе того *trivium* и *quadrivium*, которое въ средніе вѣка играло такую важную роль въ занятіяхъ школы. У Кассіодора есть начертаніе этихъ наукъ, знаніе которыхъ онъ считалъ необходимымъ и полезнымъ для просвѣщеннаго христіанина, — это въ сочиненіи *de artibus ac disciplinis liberalium litterarum*.

Здѣсь представлены начальныя основанія грамматики, реторики, діалектики, ариѳметики, музыки, геометріи и астрономіи. Свѣдѣнія, тутъ раскрытыя, заимствованы изъ греческихъ и римскихъ авторовъ, но въ общей своей сложности они представляютъ слабыя первоначальныя слѣды наукъ, имя которыхъ нами сейчасъ указано.

Изъ нашихъ указаній, думаемъ, можно составить приблизительное понятіе о томъ уровнѣ образованія, до котораго доводили желавшихъ просвѣщенія церковныя школы. Это было образованіе элементарное, чуждое систематичности и не могшее хвалиться полнотою и зрѣлостію.

Лучшими школами, возвышавшимися надъ общимъ уровнемъ просвѣщенія, были тѣ, у которыхъ были преданія, своя исторія, и въ которыхъ рядомъ поколѣній выработывалась и поддерживалась метода образовательной дѣятельности, и хранилось добытое сокровище богословской науки. Догадываесться, что мы хотимъ напомнить о школѣ александрійской, славной съ первыхъ вѣковъ христіанства, имѣвшей у себя много знаменитыхъ преподавателей и давшей много философски-просвѣщенныхъ богослововъ христіанскому міру. Въ нашъ вѣкъ, насъ интересующій, прежняя ея слава пала, и мы не можемъ указать положительныхъ историческихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о ея процвѣтаніи и успѣхахъ; но она все еще существовала, и къ ней относились какъ къ высшей школѣ и у ней доселѣ не переставали искать болѣе полнаго и прочнаго богословскаго просвѣщенія, чѣмъ какое могли сообщить другія школы. Еще оставила слѣдъ въ исторіи школа сирійская; она составляла какъ бы восполненіе и противовѣсъ школѣ александрійской. Въ Александріи издавна преобладалъ мистическій аллегоризмъ и супранатурализмъ, — вообще идеальное направленіе христіанствующей мысли. Въ Сиріи принялось и развилось практическое и историко-грамматическое направленіе. Не

увлекаясь аллегорією, сирійская школа въ изъясненіи Писанія прежде и болѣе всего утверждала буквальный и историческій смыслъ и преслѣдовала болѣе реальное направленіе. Здѣсь занимали мысль не столько еесофскіе вопросы, сколько потребности жизни и насущной дѣйствительности. Тамъ, въ Александріи, развивали высшую разумную созерцательную силу; здѣсь житейскій разсудокъ и нравственный смыслъ.

VI. Однимъ изъ затрудненій къ распространенію просвѣщенія и учености въ массѣ былъ недостатокъ книгъ въ тѣ времена, не знавшія книгопечатанія. Благодаря Гуттенбергу, мы легко можемъ доставать какія угодно книги, и вездѣ почти встрѣчаемъ болѣе или менѣе достаточный запасъ сочиненій, нужныхъ намъ для нашего самообразованія. Но въ V и VI в. нужно было распространять сочиненія трудами усидчивыхъ писцовъ; тяжелая работа дѣлала ихъ дорогими, недоступными для человѣка небогатыхъ средствъ. Притомъ съ трудомъ изготовляемыя и распространяемыя рукописи въ бурный вѣкъ войнъ и опустошеній часто постигала несчастная судьба, и дорогія книжныя сокровища дѣлались добычею пламени въ то время, когда въ нихъ болѣе всего нуждались.

Изъ людей любознательныхъ счастливымъ могъ считать себя тотъ, кому выпадало на долю жить въ знаменитыхъ и большихъ городахъ: здѣсь можно было встрѣтить удовлетворительное собраніе рукописей по разнымъ отраслямъ знанія. Но въ провинціяхъ, захолустьяхъ не только бібліотеки, пожалуй даже книги были рѣдкостью. Понятно, какъ такая книжная скудость отзывалась въ жизни и умственномъ складѣ народонаселенія.

Изъ книгохранилищъ самое богатое было въ Александріи, основанное тамъ еще въ вѣкъ Птолемеевъ. Это содѣйствовало развитію науки въ Александріи, и въ свою очередь много зависѣло отъ стеченія здѣсь лучшихъ и значительнѣйшихъ про-

свѣщенныхъ людей. Конечно, книги христіанскія еще не успѣли и не могли занять виднаго мѣста въ этой большой библиотекѣ: большинство книгъ принадлежало языческой литературѣ и учености.

Другая по богатству библиотека была въ Константинополѣ: въ ней было будто, по свидѣтельству Зонара, до 20,000 книгъ; но всѣ онѣ въ 477 году истреблены пожаромъ.

Въ Римѣ при Валентиніанѣ III, говорятъ, было до 29 публичныхъ библиотекъ. Но если мы припомнимъ несчастія и удары, постигавшіе Римъ, подобные опустошенію Гензериха, то намъ понятно будетъ, что дѣло книжныхъ собраній не подвигалось впередъ, а ослаблялось и хилѣло съ теченіемъ времени отъ давленія обстоятельствъ въ столицѣ западной жизни и западнаго просвѣщенія.

Собирали книги, нужныя для себя, епископы церквей; были книги въ монастыряхъ. Этого не слѣдуетъ забывать при обзорѣннн всѣхъ средствъ образованія, какія предлагало людемъ тогдашнее время. Но едва ли нужно доказывать, что тутъ книгъ было не много. Въ архивѣ епископской церкви, какъ называется, свою библиотеку св. Григорій Двоесловъ, можно было найти сочиненія немногихъ церковныхъ писателей, одно или два толкованія библии, три или четыре сочиненія противъ еретиковъ нѣсколько жизне-описаній пустынниковъ и св. отцовъ и т. под. Св. Григорій Великій встрѣтилъ затрудненіе, когда два епископа въ Египтѣ и Галліи просили его вслать имъ творенія св. Принея и исторію палестинскихъ мучениковъ Евсевія. Свѣскихъ языческихъ книгъ мы не предполагаемъ здѣсь, потому что многіе епископы нарочито старались уничтожать языческія книги, какъ распространявшія суевѣріе. Такъ разсказываютъ по крайней мѣрѣ объ одномъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ между ними, св. Григоріѣ Двоесловѣ. По однимъ, онъ велѣлъ сожечь цѣлую языческую библиотеку въ Римѣ для

того, чтобы лучше и охотнѣе читали св. Писаніе,—по другимъ, онъ приказалъ уничтожить исторію Тита Ливія, какъ содержащую въ себѣ множество чудесъ, рассказами о которыхъ питалось языческое суевѣріе.

Услуги монастырей книжному дѣлу мы уже отмѣтили. Но книжность, можно сказать, только начинала прививаться къ монастырямъ; прежде, до сознанія нужды просвѣтительнаго вліянія монастырей, монахи не считали своею настоятельною обязанностію чтенія, а тѣмъ болѣе храненія и списыванія книгъ. Теперь эта обязанность стала входить въ кругъ ихъ сознанія, когда открылось много трудностей для свободнаго служенія наукъ въ быту гражданскомъ. И вотъ монахи являются одними изъ списчиковъ книгъ. По естественному порядку вещей, первое вниманіе ихъ обращено было на книги священныя, религіозно-назидательныя и аскетическія.

VII. Отъ разсмотрѣнія внѣшнихъ средствъ образованія мы переходимъ къ опредѣленію *внутренняго направленія* мысли или того *міросозерцанія*, которымъ жило человѣчество V и VI вѣка.

Въ этомъ отношеніи нашему вниманію прежде всего подпадаетъ языческій міръ, уже стѣсняемый и сходявшій съ главной исторической арены, но глубоко и широко пустившій свои корни въ общественную среду, и отражавшійся многоразличными явленіями въ самой области христіанства.

Главное направленіе мысли вѣка, нами разсматриваемаго, характеризуютъ именемъ *неоплатонизма*, бывшаго руководителемъ и выразителемъ стремленій мыслящаго люда. Названіе это впрочемъ не совсѣмъ точное: оно указываетъ на Платоновы философы, какъ на главное основаніе тогдашняго созерцанія. Между тѣмъ новый платонизмъ былъ далеко не вѣрнѣе настоящему платонизму, и родился съ нимъ только общимъ идеальнымъ полетомъ созерцающей силы. Вѣрнѣе и скорѣе

его можно назвать *синкретизмомъ*, старавшимся примирить и объединить различныя до противоположности воззрѣнія. Этотъ синкретизмъ, искавшій мира и гармоніи среди хаоса разнородныхъ представленій, былъ печальною необходимостію времени. Въ единствѣ греко-римской имперіи произошло сближеніе между народами: различныя воззрѣнія, религіозныя и философскія, получили всеобщую извѣстность, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были школы знанія и переработки матеріаловъ мысли, скопилась цѣлая груда представленій, надеждъ, чаяній и гаданій. Кромѣ народно-религіозныхъ воззрѣній греческихъ и римскихъ, кромѣ философемъ извѣстнѣйшихъ умственныхъ направленій греческаго научнаго генія, здѣсь много было заманчивыхъ, фантастическихъ еософскихъ представленій востока. Чувствовалась неудовлетворительность каждаго направленія въ отдѣльности, а между тѣмъ общее народное чувство требовало вѣры, требовало положительнаго содержанія мысли. И вотъ философствующая, всѣмъ заправляющая, мысль отозвалась на зовъ неудовлетворенныхъ народныхъ желаній, и изъ кучи мертвыхъ матеріаловъ рѣшилась создать нѣчто живое, полное, чуждое односторонностей, и способное удовлетворить разнороднымъ желаніямъ. Это былъ философскій *пантеонъ*, въ который старались помѣстить всѣхъ боговъ, о какихъ только слышали, и какимъ только поклонялись люди. Геній платонической философіи призванъ былъ только для того, чтобы какъ нибудь сплотить во едино матеріалы, занятыя у разныхъ націй и поколѣній, и наложить на нихъ однообразный колоритъ.

Направленіе, о которомъ мы говоримъ, было не столько учено-философскимъ, сколько религіозно-еософскимъ. Та почва, на которой оно принималось и которую хотѣло воздѣлывать, была почва религіозная, и тѣ матеріалы, которые она старалась очищать и перерабатывать, принадлежали къ области мифологій и ееогоній. Задача, бывшая на виду у неоплатони-

ковъ,—соединеніе вѣрваній народной толпы съ просвѣщенной мыслию, очищеніе и возвышеніе первыхъ при помощи идеализирующей силы послѣдней. Напоръ мысли неоплатониковъ направленъ былъ къ тому, чтобы какъ нибудь поднять и оживить замиравшія языческія религіи. Отсюда уваженіе къ разнымъ суевѣрнымъ сказаніямъ и сложеніе въ нихъ особаго идеальнаго таинственнаго смысла; отсюда стараніе удержать все символы, обряды и магическія дѣйствія посредствомъ натянутыхъ объясненій ихъ значенія и сверхъ-естественнаго происхожденія. Этимъ духомъ идеализаціи благонамѣренные изъ язычниковъ хотѣли оживить мертвыя кости старыхъ суевѣрій, и придать имъ красоту и блескъ жизни. Но этотъ блескъ выходилъ пустою мишурою, и усиленное напряженіе человѣческой мысли не могло поднять того, что падало и разрушалось отъ недостатка жизненныхъ началъ.

Много мечтательныхъ элементовъ въ тѣхъ натяжкахъ мистическаго идеализма, какими думалъ неоплатонизмъ поддерживать языческую религію; много увлеченій въ превыспреннія страны. Нужда очищенія и облагороженія народныхъ вѣрваній вызывало избытокъ мистики, а эта мистика сама собою уже увлекала созерцаніе отъ прозаической земли въ небесныя страны духовъ и неземныхъ существъ. Читайте Прокла, главнаго и даровитѣйшаго представителя философіи и неоплатонизма въ V вѣкѣ. Фантасмы восточной теософіи для него болѣе привлекательны, чѣмъ трезвыя разсужденія греческихъ мыслителей; въ Платонѣ, идеальномъ греческомъ философѣ, онъ видитъ своимъ воображеніемъ гораздо болѣе, чѣмъ сколько даютъ разумѣть ясныя слова его писаній. Для него мало превыспренныхъ мечтаній самаго Плотина: о ботахъ, демонахъ, сношеніи съ ними, о душахъ человѣческихъ и ихъ судьбѣ по отдѣленіи отъ тѣла, о міровой и премірной душѣ у него такія обильныя толкованія, какъ будто это предметы, подлежащіе прямому

нашему возрѣнію внѣшнихъ чувствъ и разсудочнаго анализа. Человѣкъ чувствуетъ себя дома только въ мірѣ непостижимыхъ тайнъ; обыкновенная будничная дѣйствительность, область логической мысли для него дѣло, не стоящее большаго вниманія. При такомъ направленіи много являлось мечтательныхъ прозорливцевъ, которые хвалились особенными духовными ясновидѣніями, непосредственными сношеніями съ невидимымъ демоническимъ міромъ, и они на небѣ и на землѣ видѣли то, что подсказывало имъ возбужденное воображеніе, и самые замѣчательные мыслители, напримѣръ Прокль, свидѣтельствовали, на основаніи собственнаго опыта, о возможности экстаическихъ восхищеній въ премірныя сферы демоническаго и божественнаго. Надъ міромъ языческимъ такимъ образомъ брошена была фантастическая пелена еургическаго, суевѣрнаго колорита. Слабые умы совершенно засыпали подъ ея туманнымъ покровомъ, а умы болѣе сильные и крѣпкіе вмѣсто того, чтобы поднять и сорвать ее, старались только разукрасить ее и чрезъ то сдѣлать болѣе сносною и пріятною людскому капризу.

При эклектическомъ настроеніи умовъ нельзя ожидать исключительнаго горячаго фанатизма въ пользу той или другой системы, той или другой религіи. И въ самомъ дѣлѣ не видно фанатической распри. Языческій міръ, при всемъ разнорѣчьи своихъ убѣжденій и голосовъ, какъ бы заключилъ мировую сдѣлку, и враги подали другъ другу руки, чтобы жить дружно не тратить напрасныхъ словъ на взаимныя опроверженія и переубѣженія. Прежде, когда религіи сталкивались между собою, между ними происходилъ споръ, отзывавшійся взаимною антипатіею и стараніемъ подчинить себѣ противоположную сторону. Теперь, при столкновеніи многихъ изъ нихъ, улегаются возможные при этомъ споры, и совмѣщеніемъ всѣхъ ихъ въ одно цѣлое думаютъ удовлетворить тоскливому чаянію Боже-

ства, слишкомъ часто встрѣчавшему разочарованіе въ предлагаемыхъ ему средствахъ освященія.

Необходимость законоправнаго существованія несовершенныхъ и неудовлетворительныхъ религій входила въ догматъ и убѣжденія людей, и такъ называемые философы старались рациональнымъ образомъ утвердить ее предъ глазами тѣхъ, кто изумлялся такому холодному смѣшенію вѣрованій, обрядовъ и церемоній. *Люди не могутъ обнять цѣлаго*, говорилъ Симилакій, одинъ изъ учениковъ послѣднихъ неоплатониковъ (Аммонія и Дамаскія). Потому для нихъ невозможно полное и совершенное познаніе Божества, невозможна единственная, вполне удовлетворительная и для всѣхъ одинаково годная религія. Къ Верховному Существу ведетъ не одинъ путь, и пусть каждый выбираетъ для себя тотъ изъ нихъ, какой сообразнѣе съ обстоятельствами его жизни, съ внѣшнимъ положеніемъ въ обществѣ, съ склонностями окружающей среды и съ внутреннимъ настроеніемъ его мысли. Языческій міръ, кромѣ верховнаго Божества, допускалъ множество боговъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ: имъ подчинены, по его вѣрованію, различныя части земли и различныя племена человѣческія. Конечно, при этомъ находили сообразнымъ съ существомъ дѣла, чтобы въ Азіи на примѣръ воздавали религіозное поклоненіе такимъ божествамъ, въ Африкѣ другимъ, однимъ въ Римѣ, другимъ въ Греціи и т. д. Это разное поклоненіе разнымъ божествамъ должно только объединяться признаніемъ единого верховнаго Божества, къ Которому люди могутъ возвышаться только при посредствѣ второстепенныхъ божествъ. Такимъ объясненіямъ не малую долю благовидности давало различіе племенъ и націй, которое кладетъ особенную печать на всѣ проявленія народныхъ организмовъ. Слѣдя за историческимъ развитіемъ народовъ, люди мыслящіе не могли не замѣтить, что жизнь каждаго слагается своеобразно, и что кромѣ внѣшнихъ условій есть къ тому

внутреннее основаніе какъ бы въ складѣ самаго племеннаго сѣмени. Отсюда прямой выводъ къ тому, что, при различіи условій гражданственности, невозможны однообразные способы поклоненія Божеству у разныхъ народовъ. Признавшіе этотъ выводъ за непреложную истину забывали, что происхожденіе религіи лежитъ въ такихъ потребностяхъ человѣческой природы, которыя не терпятъ преломленія отъ племенныхъ и историческихъ особенностей, и что цѣль религіи— въ тѣхъ глубинахъ, гдѣ сходятся всѣ племена и націи. Они не замѣчали поверхностности того взгляда, который, на основаніи возможности различнаго проявленія виѣшняго обрядоваго богопочтенія, находилъ резоннымъ видоизмѣнять самыя внутреннія вѣрованія и убѣжденія, въ угоду такимъ или другимъ историческимъ обстоятельствамъ. Иное дѣло—религія, иное дѣло—обрядовая сторона ея; смѣшивать ихъ, и на основаніи этого смѣшенія признавать законнымъ видоизмѣненіе внутренняго зерна религіи значить не понимать этого высокаго предмета, и чрезъ то способствовать заблужденію.

Неоплатоники впрочемъ вовсе не думали, чтобы, признавая законоправное существованіе разныхъ религій, они покровительствовали религіозной лжи и суетвѣрію. До внутренняго существа дѣла они не хотѣли проникать своею мыслію: ихъ сужденія опирались на возможныхъ видимыхъ проявленіяхъ. Они надѣялись или по крайней мѣрѣ высказывали передъ другими эту надежду, что соревнованіе разныхъ религій не повредитъ дѣлу, а только усилитъ внутреннія стремленія къ богопочтенію, и заставитъ всѣхъ проявлять большую силу религіозной дѣятельности, чтобы не унизить себя и своего дѣла передъ другими своею небрежностію, какъ думалъ Фемистій, современникъ Порфирія и Юліана.

Какое же лучшее положеніе человѣка, при наплывѣ разныхъ религій, тихо уживавшихся одна подлѣ другой. Лучшее

и высшее положеніе присвоивали себѣ философы, а у этихъ философовъ признано было, что философъ долженъ быть общимъ жрецомъ для всего міра; всѣ религіозныя формы и обряды для него должны быть одинаково близки и священны, и всѣми ими одинаково онъ долженъ пользоваться, смотря по времени и обстоятельствамъ. Сообразно съ этимъ воззрѣніемъ, лучший изъ представителей язычества V вѣка Проклъ чтить и эллинскія и восточныя божества, и какъ эллинскій, такъ и восточный образъ богопочтенія для него равно важень и обязателень. Люди широкой патуры были эти философы: они старались совмѣстить въ себѣ, что есть въ другихъ, по одиначкѣ, и была живымъ олицетвореніемъ той блѣдной компиляціи, которая была вѣвѣскою вѣка.

Мы не считаемъ такого настроя умовъ, собирающаго въ одну кучу вѣрованія и убѣжденія со всего свѣта, и съ уваженіемъ относящагося къ самымъ темнымъ изъ нихъ, слѣдствіемъ укорененія и развитія гуманныхъ началъ въ тогдашнемъ обществѣ. Та вѣротерпимость, какая видна здѣсь, не была истинною вѣротерпимостію, являющеюся плодомъ многовѣковаго образованія. Истинная вѣротерпимость свято чтить одну правильную религію, и съ нею не думаетъ равнять всѣ другія: глубоко преданная своему началу, которое одно можетъ стать истинно, она только считаетъ несообразнымъ съ достоинствомъ человѣческой природы, гнать и преслѣдовать чужія убѣжденія. Нервъ вѣры и убѣжденія въ ней бьется сильно и энергично. Здѣсь мы не видимъ этого сильнаго біенія нерва вѣры, свидѣтельствующаго объ избыткѣ жизни: онъ почти замеръ и слишкомъ вяло проявляетъ свою внутреннюю жизненность. Вѣротерпимость при этомъ является не слѣдствіемъ облагороженія жизненныхъ духовныхъ инстинктовъ, а слѣдствіемъ истощанія и одряхленія тѣхъ элементовъ, которыми держится цѣлость духовно-правственнаго развитія. Не о вѣротерпимости, а о вя-

ломъ равнодушiи къ высокому началу религиi, о жалкой апатiи къ истинѣ религіозной свидѣтельствуесть то настроеніе умовъ, какое застаемъ мы въ вѣкъ, насъ интересующій. Оттого чело-вѣкъ мысли, присвоая себѣ высшее знаніе религиi, считаесть законнымъ оставлять въ грубомъ невѣжествѣ и суевѣрiи толпу, которая не въ состоянiи, по его понятію, возвыситься до правильныхъ, чистыхъ представленій о Богѣ и Его святомъ законѣ. Оттого, что бы отъ случайныхъ обстоятельствъ ни явилось въ области религіозныхъ вѣрованій, получаетъ у высшихъ блюстителей религиi законное право на существованіе, наравнѣ съ неопровержимою истиною.

VIII. Равнодушно могли стоять другъ подлѣ друга безъ внутренняго стремленія къ взаимному уподобленію только силы изжившія, потерявшія свою энергію, и присущую имъ естественную притягательность. Несостоятельность и безжизненность этихъ силъ ясно обнаруживалась, когда они входили въ столкновеніе съ новою, всемірно-историческою и вѣковѣчною, религіею христіанскою. Энергія, высокая истина и плодovitая жезненность этой религиi не могла найти благопріятнаго пріема у представителѣй старыхъ вѣрованій, бездушно относившихся къ культамъ всѣхъ народовъ. Имъ страшна была притягательная сила новой вѣры, увлекавшая къ себѣ неудовлетворенныя сердца, и разбиавшая ложь древнихъ міровоззрѣній, сложившихся вѣбами, и наполненныхъ суевѣрiями. Потому проповѣдники мира стали въ отрицательное и враждебное отношеніе только къ той религиi, которая одна вмѣщала въ себѣ новыя, удовлетворительныя начала вѣры и духовнаго освященія чело-вѣка. На больной организмъ слишкомъ рѣзко дѣйствовала свѣжая и брѣпкая атмосфера. Болѣе и болѣе давимые его послѣдніе защитники замиравшаго язычества уже отчаявались въ торжествѣ своего начала и въ побѣдѣ своихъ вѣрованій надъ новыми. Съ ихъ стороны слышался слабый голосъ, взывавшій

о пощадѣ, просившій сожалѣнія и снисхожденія. »Не трогайте насъ, дайте намъ спокойно доживать послѣдніе дни наши«, — вотъ какая рѣчь доносилась съ языческой стороны до бодрыхъ защитниковъ христіанства, свѣтлыми глазами смотрѣвшихъ въ будущее. Но эта рѣчь не обращала на себя большаго вниманія, и трагическая судьба, при судорожныхъ вспыскахъ потухавшей жизни, немилосердно вела къ гибели тѣ историческіе элементы, которыхъ корни давно гнили и уже не могли твердо держаться въ почвѣ.

Предчувствіе близкаго трагическаго конца, какой угрожалъ древнему языческому міру, сильно было въ обществѣ греко-римскомъ, въ V вѣкѣ нашей эры. Имперія падала и разрушалась; ее потрясали не одни набѣги варваровъ, но и внутреннія нестроенія. Гражданскія доблести были только въ воспоминаніи прошлаго; сознанія свободы не было подъ давленіемъ деспотизма и произвола военной силы. Религія, несмотря на усиленныя возбужденія преданныхъ ей умовъ, не могла приобрести твердости. Міръ видимо разрушался, а ощущеніе его разложенія болѣзненно отзывалось въ языческомъ устарѣвшемъ обществѣ, а отъ него переходило даже и въ христіанскія общины. Люди ждали конца міра и почти не ошибались въ этихъ ожиданіяхъ; только они безъ нужды расширяли ихъ, и подчиняли тяжелой судьбѣ, въ избыткѣ своего страха, не только то, что уже отжило свой вѣкъ, но даже и то, что начинало жить и имѣло предъ собою свѣтлую будущность.

Сбивчивость представленій, усиленная трепетнымъ предчувствіемъ близкой гибели, неправильно и превратно указывала причину этой гибели. Эту причину видѣли въ томъ, что одно могло ожидать и поднять на ноги падавшія силы, именно въ христіанствѣ. Прежде, говорили люди, сравнивавшіе печальное настоящее съ блестящимъ прошедшимъ, когда усердно чтили языческихъ боговъ, процвѣтала республика, варвары не смѣли

приближаться къ предѣламъ Греціи и Рима; оружіе всегда увѣнчивалось побѣдою, науки процвѣтали, законы были въ силѣ, а честь гражданина была обезопасена. А теперь, когда явилась новая вѣра, проповѣдующая ничтожность боговъ и внушающая къ нимъ презрѣніе,—все перевернулось вверхъ дномъ: разгнѣванные боги отняли свободу и спокойствіе у людей и заставляютъ ихъ терпѣть горькую участь за непочтеніе ихъ святыни, за презрѣніе древнихъ религіозныхъ обычаевъ. Простое совпаденіе двухъ явленій пристрастные глаза поставили въ соотношеніе причинности; имъ нужно было на что нибудь свалить причину своего несчастія, и вотъ подвернулась новая сила, которая явно возвышалась надъ судьбою, все съ собою увлекающею, и не хотѣла стать на одну линію съ тѣми элементами, которые обречены были смерти, и ей-то приписали погибель того, что само въ себѣ носило сѣмя своего разрушенія. Въ самообольщеніи имъ казалось, что они при всей своей дряхлости, твердо держались бы на своемъ мѣстѣ, если бы не эта, противная имъ, новая сила; тогда какъ гниль и разрушеніе явились прежде христіанства и овладѣли болѣзненнымъ организмомъ, при видимомъ противодрѣйствіи новыхъ сѣмянъ жизни, внесенныхъ христіанствомъ. Между тѣмъ была доля справедливости въ самомъ превратномъ представленіи. Старому, отживающему міру грозна была новая сила христіанства, и она могла казаться разрушительнымъ началомъ тѣмъ элементамъ, которые, сталкиваясь съ нею, должны были безропотно уступать свое мѣсто новому, бодрому дѣятелю, и сходить предъ нимъ съ своего поприща. Въ этомъ случаѣ для стараго міра свѣжее дыханіе новой вѣры имѣло такое же дѣйствіе, какое на чахоточный организмъ производитъ оживляющее вѣяніе весны. Устарѣвшіе элементы чувствовали, что для новаго духа нужны новые органы, для новаго вина новые мѣхи.

Смущеніе языческаго міра перешло и къ христіанскому

обществу, жившему среди него. Бѣдствія, грозившія человѣчеству и разражавшіяся надъ нимъ, тяготѣли не надъ одними язычниками въ политическомъ обществѣ. Это политическое общество, составленное изъ людей старой и новой вѣры, страдало болѣе или менѣе во всѣхъ своихъ частяхъ, и христіане при общемъ потрясеніи, при нравственной высотѣ своихъ помысловъ, при увѣренности въ торжество своихъ вѣрованій, не могли оставаться совершенно спокойными по внѣшнему своему положенію, и общія политическія несчастія касались ихъ также, какъ и язычниковъ. Отсюда колебанія пораженнаго чувства въ его упованіи на Бога; отсюда сомнѣніе вѣры касательно будущихъ судебъ неизвѣстнаго будущаго. Ждали новой блаженной земли, по обѣтованію провозвѣстниковъ христіанства, ждали водворенія мира, спокойствія и изобилія. А внѣшняя дѣйствительность, полная бѣдъ и потрясеній, шло какъ разъ наперекоръ общимъ ожиданіямъ. Гдѣ же Богъ и Его Промыслъ (думали даже и лучшіе изъ христіанъ)? Ужели Онъ оставилъ насъ и все предоставляет на волю случая и какой нибудь неразумной судьбы? Люди задумывались надъ ходомъ и теченіемъ міровыхъ событій, и въ ихъ сплетеніи не видѣли управляющей руки Провидѣнія. Поэтому у мыслящей части общества замѣтно было стремленіе разяснить темныя страницы исторіи и плачевную перспективу настоящаго, казавшагося загадочнымъ; у христіанъ же твердой и свѣтлой вѣры мысль старалась примирить благое провидѣніе съ несчастіями окружающей среды. Въ этомъ отношеніи, послѣ сочиненія о градѣ Божіемъ блаж. Августина, въ намѣмъ вѣкѣ обращаютъ на себя вниманіе восемь книгъ Сальвіана *»de gubernatione Dei, et de iusto Dei praesentique indicio«*, явившіяся около 440 года. Благочестивый защитникъ Провидѣнія предъ колеблющеюся мыслию человѣческою не входитъ въ глубокія историческія разсѣдованія и далекія метафизическія созерцанія. На

упрекъ язычниковъ въ томъ, что римская имперія сдѣлалась несчастною чрезъ христіанство, онъ не отвѣчаетъ, подобно Августину и Орозію, проведеніемъ широкихъ и глубокихъ историческихъ параллелей и углубленіемъ въ планы божественнаго домостроительства, касающіеся Его благодатнаго царства на землѣ. Мысль его прикована къ настоящему, и онъ говоритъ не къ язычникамъ, а къ христіанамъ. Изъ устройства міра, изъ свидѣтельства писанія выведши несомнѣнную истину о томъ, что Богъ, какъ Творецъ, такъ и Правитель и Судія вселенной, онъ останавливается на томъ печальномъ явленіи, которое возбуждало недоумѣнія и сомнѣнія противъ этой несомнѣнной истины. Признавши неисповѣдимость судебъ Божіихъ, онъ начинаетъ гадать, по указанію слова Божія, о тайнахъ Божіихъ, и законъ нравственнаго возмездія служить у него тѣмъ основаніемъ, на которомъ онъ строитъ свои послы и заключенія, и которымъ хочетъ разъяснить темную загадку исторіи. Онъ пишетъ нравственную характеристику общества, и общества христіанскаго, которое видѣло себя болѣе несчастнымъ, чѣмъ сколько несчастными казались ему невѣрующіе или неправовѣрующіе варвары. Перо его жестко; голосъ его рѣзокъ и обличителенъ, и община христіанская или современная ему церковь представляется ему полною неправдъ и нечистотъ. »Церковь, долженствующая умиловливать Бога, что дѣлаетъ, какъ не прогнѣвляетъ Его? Много ли въ церкви такихъ, которые бы не были сластолюбцами или блудниками, или хищниками или убійцами и тому под., или всѣмъ этимъ вмѣстѣ? Между христіанскимъ народомъ и то уже считается святостію, если человекъ не такъ пороченъ«. Христіанъ Сальвіанъ сравниваетъ съ невѣрными варварами, и проведенная параллель у него служитъ не къ чести христіанъ. Бѣдствія вмѣсто того, чтобы исправить людей, только ожесточали ихъ. Такимъ образомъ выходитъ паденіе нравственныхъ силъ при-

чиною общественнаго, политическаго разстройства, и не Богъ оставилъ идти дѣламъ человѣческимъ по волѣ случая, не заботясь объ ихъ лучшей постановкѣ, какъ осмѣливаются говорить люди, желающіе считать себя невинными, а мы сами такъ нерадивы и беззаботны о себѣ, что подрываемъ корень своего благополучія своею безнравственностію.

IX. Несчастливая судьба въ нашъ вѣкъ постигла неоплатоническую философію, долгое время заправлявшую ходомъ человѣческой мысли, и она обезсиленная исчезла съ поприща исторіи, отъ давленія виѣшней силы, и уступила мѣсто другой философіи. Въ развитіи мысли былъ переломъ, и онъ служитъ однимъ изъ знаменательныхъ явленій въ опредѣленіи внутренняго характера и развитія умственной дѣятельности времени. Напряженный идеализмъ, которымъ думала поднять и освятить себя синкретическая философія, не былъ крѣпкимъ, плодотворнымъ и жизненнымъ направленіемъ въ вѣкъ замѣтнаго одряхлѣнія органическихъ силъ народа. Кажущаяся возвышенность полетовъ мысли, увлекавшихъ ее въ область трансцендентальнаго и сверхземнаго, иногда, противъ воли натянутыхъ идеалистовъ, приводила ихъ къ границамъ грубаго суевѣрія. Если издали смотрѣть на эти воздушныя ристанія наидеализированной мысли неоплатониковъ, въ нихъ представляется нѣчто подобное колебанію воздушнаго шара, который, теряя тонкое вещество, увлекавшее его въ высшія сферы ээира, то опускается безъ разбора на землю, то отъ полученнаго здѣсь толчка снова поднимается на воздухъ. Это колебаніе мысли, проявляющееся то возвышеніемъ ея, то ниспаденіемъ на поверхность земли, часто грязную и неказистую, было предвѣстіемъ конечнаго погруженія ея въ тотъ муравейникъ, въ которомъ живетъ и движется безпокойная толпа, занятая заботами дня. Матеріалы тяжелаго суевѣрія, смѣшивающіеся съ ея ээирнымъ содержаніемъ, явно тянули ее къ землѣ, къ низкимъ сфе-

рамъ человѣческихъ помысловъ. Но философская напряженная мысль еще находила въ себѣ силы уноситься на высоты созерцанія, пока были философскія школы въ Афинахъ и Александріи, жившія преданіемъ и привлекавшія къ себѣ болѣе бодрыхъ дѣятелей. Эти школы электризовали современную мысль, и славныя имена Прокла, Аммонія, Исидора, Дамаскія и другихъ учителей аѳинскихъ и александрійскихъ были залогомъ уваженія къ наслѣдію Платона, переходившему изъ вѣка въ вѣкъ. Теперь (VI в.) эти школы должны были пасть отъ тяжелаго насильственнаго удара: императоръ Юстиніанъ запретить излагать языческую неоплатоническую исторію въ своей имперіи, видя въ ней опору язычества и врага христіанству, и разогналъ всѣхъ философовъ, которые были ея защитниками и представителями. Философы языческіе убѣжали въ Персію къ Хозрою, и съ ними исчезла электризующая сила восторженной идеализаціи, жившая въ аѳинской и александрійской школахъ.

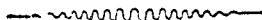
Въ слѣдствіе этихъ обстоятельствъ пропала прежняя поэзія въ строѣ мысли, и не стало видно въ ней возвышенныхъ полетовъ. вмѣсто Платона выдвинулось имя *Аристотеля*, болѣе соотвѣтствующее тому прозаическому разсудочному направленію, какое теперь возникало въ жизни и философіи, и философы являются уже не творцами энтузіастами, и комментаторами твореній Аристотеля или даже просто самыми пассивными компиляторами. Аристотелю, одному изъ величайшихъ мудрецовъ древности, суждено въ исторіи прикрывать своимъ именемъ самыя мелкія и даже пошлыя направленія, и ничьи философы не подвергались въ теченіе вѣковъ такимъ частымъ искаженіямъ и разжиженіямъ, какъ философы одного изъ самыхъ сильныхъ діалектиковъ Греціи. Засмотрѣвшись на разсудочную простоту, и ясность началъ и возрѣній Аристотеля, на его прямую, эмпирическую методу въ развитіи этихъ началъ, безчисленные его почитатели мѣряли его своимъ арши-

номъ и считали его по плечу себѣ даже и тогда, когда ихъ собственная мысль не возносила надъ сферою обыденныхъ, не обмысленныхъ представлений. Такимъ образомъ выходилъ обездушанный Аристотель, лишенный творческаго широкаго гения и плодотворной, всеѣмъ овладѣвающей, мысли, созданный по мѣркѣ узкихъ, неподвижныхъ воззрѣній. При этомъ условіи, пристрастіе къ Аристотелю въ исторіи является признакомъ паденія властительной философской мысли, и потому, при всеѣмъ уваженіи нашемъ къ великому имени Аристотеля, при всеѣмъ признаніи заслугъ перипатетической философіи, мы съ подозрѣніемъ смотримъ на тѣ историческія эпохи въ философіи, которыя хотять быть отголоскомъ древнихъ перипатетиковъ. Намъ такъ и чудится, что вотъ изсякла творческая сила мысли, и развитіемъ пустой діалектической формалистики ея представители думаютъ замѣнить недостатокъ духа и жизни. По крайней мѣрѣ это подозрѣніе оправдывается по отношенію къ тому вѣку, которымъ мы занимаемся. Съ неоплатонизмомъ кончилась движущаяся цѣпь философскихъ построеній, хотя часто причудливыхъ и воздушныхъ, но свидѣтельствующихъ все-таки о дѣятельности творческой мысли. Послѣ него открылась эпоха дѣятельности внѣшне-собирающей, при которой мысль пробавлялась крохами, подбираемыми ею у роскошнаго стола древнихъ. Духъ изсѣдованія оскудѣлъ, и замѣнился механическимъ сшиваніемъ стараго. Вывѣскою подобнаго настроенія служили *антологіи*, сборники чужихъ изреченій и миѣній о разныхъ предметахъ, входящихъ въ кругъ человѣческаго знанія. Образецъ такихъ антологій представляетъ антологія Іоанна Стобея, которая въ четырехъ книгахъ собрала избранныя мѣста изъ разныхъ писателей, касающіяся *физическаго и нравственнаго міра*. Тутъ есть и о Богѣ и о Провидѣніи, и о математическихъ наукахъ, и о краснорѣчьи и о поэзіи. Составленъ лугъ самый пестрый, гдѣ собраны самые разноразличные цвѣты

изъ садовъ древней письменной растительности. Но все это является въ видѣ засушенномъ, выломъ. Не жизненное, органическое развитіе, а механическія рубрики связываютъ чужія рѣчи и наблюденія въ одно сплошное цѣлое. Понятно, что за философія могла развиться при такомъ трудолюбіи, которое не тревожа самодѣятельности, рылось въ готовыхъ сочиненіяхъ и изъ нихъ механическимъ образомъ извлекало готовые отвѣты на разные вопросы нашей мысли и нашего знанія.

В. П—цкий.

(Продолженіе будетъ).

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru